

Чагинская Е. А.

**СИММЕТРИЧНАЯ И АСИММЕТРИЧНАЯ ОППОЗИЦИИ КАК РАЗЛИЧНЫЕ МОДЕЛИ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОРРЕЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/85.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 202-206. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

СИММЕТРИЧНАЯ И АСИММЕТРИЧНАЯ ОППОЗИЦИИ КАК РАЗЛИЧНЫЕ МОДЕЛИ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОРРЕЛЯЦИИ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Чагинская Е. А.

Московский государственный лингвистический университет

Слово «корреляция» в данном случае нами принято в том исходном значении, для которого отцы Западной Церкви создали термин *cor-relatio*: 'соотношение вещей или понятий, взаимная связь между ними'. Для романских языков (и для испанского языка, может быть, в большей степени, чем для других) характерна тенденция к упорядочению объектов языковой картины мира на основе симметричной бинарной оппозиции, в которой полярности чётко противопоставлены друг другу. Очевидно, романские языки, наследующие латыни, усвоили и характерное для античной культуры тяготение к «прекраснейшей гармонии», космосу, с его структурной организованностью, целостностью, подчинённостью имманентной мере (закономерности). Не последнее место в перечислении качеств космоса занимают такие следствия из его основных характеристик как предсказуемость и познаваемость. Космос - это стройность, ясность, эстетическое совершенство, выражением которого, в частности, является симметрия. В космосе уютно человеку и удобно. Космос в целом (то есть космос, включающий в себя систему симметричных бинарных оппозиций), в свою очередь, может быть представлен как позитивный член бинарной оппозиции, негативным членом которой будет хаос - неупорядоченная, бесформенная, «нежилая» непредсказуемость.

Возьмём, например, идеографический словарь Х. Касареса. Судя по сводной таблице, помещённой в начале первого, синоптического, раздела словаря, аксиологической доминантой идеографического членения испанской лексики автор полагает макрополе «Религия». Оно в таблице первенствует, однако место для него найдено отдельное, вне и выше идеограмм мира дольнего, сводящихся к понятию *Universo* 'Вселенная'. Вселенная, как мир тварный, оказывается противопоставлена миру горнему и тому, что исходит непосредственно из него - религии. Эта - первая из обозначенных автором словаря оппозиций - воспроизводит образ мира, свойственный католической догматике. Далее: имя поля, слово *religión*, дано как позитивный член оппозиции, негативным членом которой является слово *impiedad* 'жестокость, бесчеловечность; безбожие, нечестивость, неверие'. (NB: отнюдь не слово *ciencia* 'наука', как можно было бы предположить.) Именно религии автор словаря отводит роль того стройного, иерархически упорядоченного «космоса», от которого начинается отсчёт всех прочих макрополей испанской лексики, и логично, что автор находит место и для обозначения «хаоса». Слово *impiedad* - лишь частично антоним *religión* (религия / неверие); *per excellence*, это второй член оппозиции, который обозначает противоположный полюс, симметрично и последовательно противопоставленный первому и по смыслу, и по оценочной характеристике. Далее: понятию, выраженному словом *cristianismo* 'христианство', автор противопоставляет группу слов, начинающуюся с *herejía* 'ересь' и включающую в себя названия других религий, а также слова, обозначающие реалии языческих верований (*musa*, *quimera*, *talismán* и т.д.). Это - другая симметричная оппозиция: «христианство || любая религия, которая не есть христианство». Нельзя не заметить, что обе рассмотренные оппозиции не просто отражают мировоззренческие приоритеты, но и формируют их: позитивный член выражен «именем ценности», негативный - словом с отрицательными коннотациями. Суммируем: симметричная бинарная оппозиция выглядит как «вещь и её смысловая, а также эмоционально-оценочная противоположность», или, другими словами, «вещь и анти-вещь».

Культура нашей страны сформировалась на иных, нежели испанская культура, корнях. У нас, как следствие, свои представления о ладе, красоте и совершенстве. Рассмотрение этих отличий не входит в нашу задачу, однако нельзя не заметить, что симметричная бинарная оппозиция типа «гармония || хаос», «правильный || неправильный», «истина || ложь», и т.д. - это не тот принцип, согласно которому строится русская языковая картина мира. Противоположение по-русски - это не столько оппозиция, сколько диада, предполагающая текучую множественность возможностей. Если всё же, с целью сделать возможным сравнительный анализ, мы рассматриваем такое противоположение как оппозицию, то обнаруживаем множественность полюсов и нелинейные отношения между ними. Назовём такую оппозицию асимметричной и рассмотрим обе модели семантической корреляции на примере слов, описывающих представления о добре и зле.

Едва ли можно было бы избрать менее оригинальную тему для обсуждения, чем добро и зло по-русски и по-испански. С другой стороны, мы не найдём более наглядных и показательных примеров для иллюстрации изложенных выше соображений. Сравним хотя бы толкования, которые дают самые авторитетные и популярные словари словам *bondad* 'добро, доброта', *maldad* 'зло, злоба', «добро», «зло». Уже это незамысловатое сравнение показывает: 1) абсолютную симметричность композиции толкований обоих слов в испанском издании; 2) в словаре русского языка - стремление к абсолютизации добра, которое принимается за точку отсчёта:

<i>bondad</i> : calidad de bueno 'качество хорошего, доброго'	добро: всё положительное, хорошее, полезное
<i>maldad</i> : calidad de malo 'качество плохого, злого'	зло: нечто дурное, вредное, противоположное добру
Casares Julio. 1962.	Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

О понятиях «добро» и «зло» в русской и испанской языковых картинах мира сказано уже немало, однако проблема всякий раз поворачивается к исследователю новой гранью - в зависимости от того, какой материал избран для анализа.

Например, А. А. Русол, рассматривая употребление лексем “bien”, “mal”, “bondad”, “maldad” и эквивалентных им в русском “добро”, “зло”, “доброта”, “злота” на материале пословиц и поговорок, приходит к интересным выводам, из которых мы выберем те, которые помогут нам в развитии темы.

1) Оба народа рассматривают понятие «добро» в двух значениях: абсолютном (как высшую моральную ценность) и относительном (как то, что хорошо, полезно, приятно). Добро связано с божественной сущностью, ассоциируется со светом и связано с символической идеей «верха» [Русол, 2004, с. 201].

2) «Зло» также обоими народами понимается в абсолютном и относительном значениях; оно есть проявление дьявольской сущности, ассоциируется с тьмой и связано с идеей «низа» [Там же, с. 202].

3) Чрезмерное добро (символы: miel ‘мёд’; oveja ‘овца’; cordero ‘ягнёнок’; agua ‘вода’) вызывает осуждение испанцев, так как способствует увеличению зла в мире. Русские согласны с испанцами в том, что излишняя доброта вредна. Добро, таким образом, имеет рациональные, прагматические основания; добро без меры превращается в свою противоположность - зло [Там же, с. 194, 197].

4) С точки зрения испанцев, «добро» вечно; «зло» также вечно, распространено повсюду, в количественном отношении преобладает над «добром» и может быть непобедимо. В противоположность тому, вера русских в «добро» абсолютна, при этом «добро» связано прежде всего с милосердием, бескорытием и всепрощением [Там же, с. 199, 201, 202].

Проницательное наблюдение А. А. Русол о том, что добро как абсолютная идея и этическая ценность на практике реализуется как категория относительная и зависящая от соблюдения меры, подтверждается и тогда, когда мы анализируем не смысл паремий, а, например, структуру значений слов, соотносимых с «добром». Слово *bendito* означает: 1. 1) счастливый, благословенный [*día bendito* - счастливый день]; 2) освящённый, благословенный [*agua bendita* - святая вода]; 3) святой, блаженный. Всё это - понятия, соответствующие представлению о мере (норме) означаемого качества; четвёртое же значение относится к области, выходящей за границы нормы: ‘блаженный = простоватый’; в качестве существительного - ‘простофиля’. Граница представления о норме - это точка, в которой «добро» обращается большим или меньшим «злом». Аналогично: *beato* 1. 1) счастливый, блаженный; 2) причисленный к лику святых; 3) набожный, благочестивый. Четвёртое значение - ‘ханжеский’; в субстантивированной форме - ‘ханжа, святоша’. Мера качества и её границы порой чётко оговорены в непосредственном контексте: «Para que la mojigatería sea inofensiva, es preciso que exista en corazones muy puros. Es verdad que aun en este caso es infecunda para el bien». («Чтобы фанатичная набожность была безобидной, нужно, чтобы она обитала в очень чистых сердцах. Правда, и в этом случае доброго плода она не принесёт». *Перевод наш - Е. Ч.*). Автор комментария к приведённому фрагменту романа Б. Переса Гальдоса «Донья Перфекта», М. Гонсалес, толкует выделенное слово через дериват *beato* - “*beatería*”, поскольку он более наглядно, чем *mojigatería*, иллюстрирует идею выхода за пределы меры. Ханжество (в данном тексте - фанатичная набожность) это «благочестие, вышедшее из берегов», «добро», нарушившее свои границы и обернувшееся злом. Весь роман Бенито Переса Гальдоса - о последствиях этой инверсии.

«Добро», таким образом, в испанской картине мира оказывается хрупким и уязвимым; «зло» же - суверенно и самодержавно, и мы не найдём среди значений слов, выражающих это понятие, убедительных исключений из этого правила. Выводы, полученные А. А. Русол и нами, подтверждаются и данными словаря ассоциативных норм испанского и русского языков [Санчес-Пуиг, 2001]. Приведём реакции испанских и русских респондентов из начала списка, т.е. частотные {цифра указывает на количество испытуемых, отреагировавших на стимул данным образом; реакции разграничены символом «+»; для удобства сравнения реакции градуированы по частоте}.

стимул: el bien ‘добро’	
el mal 116 + mal 15 + y el mal 3 ‘зло (форма с артиклем) + зло (форма без артикля) + и зло’	зло 219 + и зло 20
Dios 23 + ángel 3 + cielo 2 ‘Бог + ангел + небеса’	делать 21 + творить 6 + дело 3
amor 12 + paz 12 + bondad 11 + amistad 3 ‘любовь + мир + доброта + дружба’	радость 10 + счастье 9
felicidad 7 + justicia 5 + alegría 3 ‘счастье + правосудие + радость’	мама 8 + мать 4 + бабушка
ayudar 5 + buscar 3 + búsqueda 2 ‘помогать + искать + поиск’	помощь 5 + благо 5 + любовь 2 + друг 2
blanco 5 + luz 5 + la luz 3 ‘белый + свет’	свет 5
la vida 3 + vida 3 + necesario 5 ‘жизнь + необходимый (-о)’	большое 4 + много 3
todo 5 + nada 3 + siempre 3 ‘всё + ничто + всегда’	Бог 3
no existe 4 + utopía 4 + imposible 2 + ideal 5 ‘не существует + утопия + невозможно + идеал’	вечно 3 + всегда 3 + победит 3 + побеждает 2 + помнится 2 + сила 2
hombres 2 + humanidad 2 ‘люди + человечество’	людям 2 + к людям 2 + справедливость 2 + сострадание 2 + человек 2 + человека 2

Для испанских студентов (а именно студенты были избраны авторами словаря в качестве испытуемых): с «добром» связаны горние силы, а также понятия «любовь», «дружба», «мир», «счастье», «правосудие» (все отмеченные А. Русол символические репрезентации). Большая часть реакций выявляет чёткое представление о «добре» как о позитивном члене бинарной оппозиции. Особенность: «добро» мыслится как существующее где-то вне дольного мира; оно - предмет поиска, стремления. (Ср.: характер отмеченного выше противопоставления горнего и дольного миров в идеографическом словаре Х. Касареса.)

Российские студенты, во-первых, оптимистичнее; во-вторых, «добро» для них наглядно, дано в ощущениях (не Бог, а мама с бабушкой; обратим внимание и на гендерные предпочтения); «добро» обращено к людям и связано не с идеей поиска, а с идеей делания.

стимул: el mal 'зло'	
el bien 108 + bien 17 'добро'	добро 167 + и добро 6
demonio 20 + el demonio 2 + infierno 13 + diablo 8 + Satanás 6 + Satán 2 'черт + ад + дьявол + Сатана'	ненависть 21 + боль 6 + вред 6 + обман 3
dolor 16 + odio 10 + daño 5 + miedo 5 'боль + ненависть + вред + страх'	чёрное 11 + чёрный 10 + темнота 2
guerra 13 + pecado 4 + terrorismo 2 'война грех терроризм'	есть 8 + побеждает 2 + много 5 + везде 4 + большое 3 + вечно 2 + побеждает 2
negro 10 + oscuro 7 + oscuridad 6 'чёрный + тёмный + темнота'	дьявол 8 + человек 4 + ад 2 + враг 5 + враги 2 + людское 2
existe 5 + existencia 3 + todo 5 + presente 3 + lejos 3 + está ahí 'существует + существование + всё + присутствующее + далеко + здесь'	наказано 7 + должно быть наказано 3 + наказуемо 3 + исчезнет 2 + победимо 2
Dios 2 + ángel 1 'Бог + ангел'	война 4 + смерть 4 + деньги 2

Реакции испанских студентов выявляют устойчивость представлений о трансцендентных силах как источнике «добра», как и «зла»; воззрения российских студентов более антропоцентричны. Так, приведённая в словаре строка реакций с частотой 4 случайным образом складывается в иллюстративную декларацию: 'везде, война, смерть, творить, человек'.

При сравнении статистических данных по ответам испанских и российских студентов обращают на себя внимание два показателя. 1) Россияне значительно чаще, чем испанцы, реагируют простыми антонимами (в наших таблицах - первая строка, абсолютный лидер по количеству реакций). 2) Россияне значительно чаще не дают никакой реакции («добро»: у испанцев 19 нулевых реакций против 31 у российских студентов; «зло»: 13 против 33). Настолько, насколько возможно делать обобщающие выводы по материалам опроса респондентов, представляющих одну возрастную и социальную группу, мы вправе говорить о тенденциях. Позитивные: российские студенты наследуют русской культуре в том, что оптимистичны; указывают на человека как источник «зла» и, соответственно, за человеком признают активную позицию в противостоянии злу и делании добра. Негативные: даёт себя знать некий когнитивный конфликт: стимул, выраженный абстрактным понятием, «открывает окна в пустоту»; молодой человек зачастую не имеет чёткой позиции относительно базовых этических категорий. И ещё: реакции российских студентов выявляют склонность к мышлению на основе бинарных оппозиций.

Если последнее имеет обоснование в культурных стереотипах европейцев, то для русских это новая тенденция, которую нельзя игнорировать, хотя и придавать ей излишнее значение рано. Всё-таки речь идёт о студентах, людях молодых, да ещё и живущих в пресловутое «время перемен». Асимметрия чревата непредсказуемостью, и всё ещё может измениться. Русская культура, как и европейские, не обошлась без эллинического влияния, однако заимствовала не аксиологические доминанты античности и когнитивную матрицу «космос || хаос», а Православие с его сотериологией, аксиологией и нетривиальной логикой. В асимметрично-дуальном пространстве русской культуры отношения между «добром» и «злом» к бинарным схемам никогда не сводились.

Прежде всего, «добро» иерархично, и каждое понятие в этой иерархии имеет своё имя. Наивысшее, находящееся вне мер и сравнений, понятие в церковно-славянском языке выражается словом «*благо*» (в функции существительного или прилагательного), написанным под титлом. Сакральный язык не допускает разночтений, и титло в тексте выступает как графический маркер абсолютизации понятия. Так, определение «*благо*» в евангельской фразе «*иго Мое благо**» (по техническим причинам титло заменим астериском) указывает на то, что «иго» (ярмо < ζυγός) следует понимать как инструмент спасения (σωτηρία: спасение, горнее благо и счастье как свойство вечности). Это не ярмо, которое человек тащил бы на себе. Напротив: это то, с помощью чего Бог влечёт человека в жизнь вечную. Поэтому какие-либо внешние характеристики этого «ярма» столь же для человека безразличны, как безразличны цвет или ворсистость спасательного круга для утопающего; строго говоря, *благо** с земными понятиями вовсе не соотносится. Светские языки не предполагают механизмами трансляции этого понятия. Русский перевод заимствует славянизм без титла: «иго Мое **благо**». Вульгата, как и испанский перевод, пользуются прилагательными со значениями: 'мягкий,

нежный»: *iugum enim meum suave est // mi yugo es blando*. Испанец, таким образом, извлечёт из чтения данного фрагмента Библии совсем иной смысл, нежели читатель церковнославянского текста.

Ступенькой ниже «*блага**» (курсивом здесь и далее - церковнославянские слова) находим «*благо*», слово без титла, и русское «благо». Оба слова передают человеческие представления о «*благае**», субъективные и переменчивые, поэтому их дериваты могут означать понятия, оцениваемые по-разному. В церковнославянском: «*благий*» = 1) хороший; 2) дурной [Дьяченко, 2005, с. 892]. «*Соблазнъ*» - ошибка в интерпретации блага. В русском: «блажь», «блажить», «благим матом». «Того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то...» [Андреева, 2005, с. 24]. И всё же само «благо» в церковнославянском и в русском языках соотносится, прежде всего, с представлением о наивысшей из достигаемых в дольном мире степеней качества. Отсюда - «благодать», «благополучие», «благоприятный», «благоустроить» и т.д. Предполагается, что реконструированный этимон «*bolgo*» возник на основе сравнительной степени «*bol's'e*» [Колесов, 2001, с. 107], отсюда - положение, которое в иерархии понятий занимает «благо»: чуть выше, чем «добро».

«Добро» в наибольшей степени соответствует испанскому «*el bien*»: оно существует и как идея, полностью исчисляемая из дольных представлений, и как воплощение идеи в том, что хорошо, удобно, приятно, правильно и т.д. Здесь и только здесь русское сознание признаёт меру выраженности качества как критерий соотносимости с этим качеством, и здесь эта мера считается достаточной («от овса кони не рыщут, от добра добра не ищут»). «Добро», таким образом, есть точка равновесия идеального и реального. «Много всякого добра»; «этого добра (ирония) нам и даром не надо»; «в сказках добро всегда торжествует»; «я желаю вам добра»: эти и другие подобные речевые ситуации не вызывают проблем с их переводом на испанский.

Эта практическая составляющая представления о «дobre» определяет и границы, в которых валидна оппозиция «добро || зло». «Добро и зло язычниками славянами понимались как две самостоятельные, независимые, но противоположные силы...; только они и могли стать единственным источником блага и благ, - считает В. В. Колесов. - Зло... кружится в гранях полезного, злом пользуются тогда, когда без него не обойтись...» [Там же, с. 130]. Отсюда - соотносительные схемы степеней «блага», которые предлагает исследователь: «благо > добро > зло», то есть «истина > красота > польза», или, в понятиях действия - «состояние > действие > борьба» [Там же].

Языческие народы эта оппозиция вполне устраивала, они жили в порождаемой ею этической парадигме. Творить зло ради него самого человек в здравом рассудке не станет (психологам известен «закон позитивного намерения»); только - ради пользы дела. Языческое по своей сути сознание до сих пор оправдывает «зло» «пользой»; поскольку же «польза» - категория вечная, постольку вечно и «зло».

С принятием христианства народы с большим или меньшим успехом осваивали новую для них этическую парадигму, в которой «сущее», то есть надённое самостоятельным бытием и творческой силой, рассматривается как единственная в полном смысле слова реальность. «Зло» - не «сущее», его никто не создавал, оно возникло как произвольное искажение истины. Оппозиции поэтому нет: нельзя же в самом деле противопоставить прекрасную картину пятнам краски, которыми художник по небрежности заляпал пол студии. Известное «древо» церковно-славянский текст обозначает как «*древо еже разумети доброе и лукавое*», т.е. позволяющее на своём опыте испытать (=разумети) доброе и не доброе. *Лукавый* - значит не прямой, изогнутый, искажённый, уходящий в сторону, кривой (ср.: лук - для стрельбы, излучина, лука седла). Дуб с нечистью на ветвях помещён А. С. Пушкиным у лукоморья. Булгаковский Воланд весь перекошен, не *правилен*: с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой - золотые; серый берет он *лихо* заломил на ухо; рот какой-то *кривой*; правый глаз чёрный, левый почему-то зелёный; брови чёрные, но одна выше другой. По поводу слова *лукавый* В. В. Колесов замечает, что оно исключительно многозначно: *лукавый* - это и скрытный, и упрямый, и лстивый, и ленивый, и лживый. «Все пороки, осуждаемые народом, выражены одним словом. Лесть, лень и лживость - всё это лукавство в одном лице. Они всегда неразлучны: где одно, там и другое, и третье» [Там же, 2004, с. 124]. Испанские слова, которыми мы обычно пользуемся как эквивалентами слова лукавство - *astucia*, *picardía*, *malicia*, *malignidad* - в полной мере не исчерпывают его смыслов.

Слово «зло», в русском языке (в отличие от церковнославянского) получившее большее распространение, чем «*лукавствие*», в классической литературе всегда, так или иначе, означает или имплицитно «искажение» истины. Оптимизм российских студентов, чьи вербальные реакции мы рассматривали выше, объясняется именно этой этической доминантой русской культуры.

Наша культура, от колыбели дуальная, выражает свои понятия на двух языках диглоссии. А. С. Пушкин, ещё до появления и обоснования этого термина лингвистики, называл наш язык славяно-русским, объединяя две сущности единым понятием. Концептосфера культуры, языковая картина мира русского народа, любая обобщённая «картина» будет неполной без учёта фактора диглоссии. Русский язык доверчиво обращён к миру; быстро, а иногда стремительно меняется; отжившие его клеточки отмирают, рождаются новые; он уязвим, потому что именно он принимает на себя все удары, наносимые временем. Церковнославянский строг и основателен, как его имя; он тоже изменяется, однако на уровне лексической семантики - очень неспешно. Здесь таятся значительные гносеологические и герменевтические резервы; даже такая не новая проблема, как отражение в языке представлений о «дobre» и «zlo», в аспекте диглоссии может обрести новые нюансы.

Что касается испанского языка и понятий, которые означены его средствами, их «космическая» стройность и прагматизм, поддерживаемые опорой на латинскую языковую и культурную традицию, нами могут

быть в полной мере оценены только при том условии, если мы будем осознанно придерживаться позиции, не устремлённой к совпадению ценностей, но опирающейся на собственные культурные основы. У каждого народа свой, особый, путь к истине. Например, название романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на испанский язык (и не только на испанский) оказалось переведено сообразно симметричной модели семантической корреляции - “Guerra y paz” (т.е., «война и не-война»: испанское paz означает ‘мир = мирное время’). Это, конечно, неточность; но может быть и так, что переводчик, допустив ошибку и тем самым переместив название в более понятный испанцам «смысловой регистр», невольно способствовал умножению числа любителей русской литературы в Испании.

Список использованной литературы

1. **Андреева И. В., Баско Н. В.** Православная Россия в русской литературе: культурологический словарь. М.: Флинта; Наука, 2005. 240 с.
2. **Дьяченко Г., прот.** Полный церковно-славянский словарь. М.: Издательство «Отчий дом», 2005.
3. **Колесов В. В.** Древняя Русь: наследие в слове: в 5-ти кн. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. Кн. 2. Добро и зло. 304 с.; 2004. Кн. 3. Бытие и быт. 400 с.
4. **Русол А. А.** Добро и Зло в картине мира испанского и русского народов (на материале пословиц и поговорок) // Актуальные проблемы современной иберо-романистики (лингвистика, литературоведение, культурология). М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
5. **Санчес Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А.** Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М.-Мадрид: Азбуковник, 2001.
6. **Casares Julio.** Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona: Editorial Gustavo Gili, S.A., 1962.

ПЕРСОНАЛИЗИРУЮЩИЕ СТРАТЕГИИ ПРИНИЖЕНИЯ АДРЕСАТА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Шемякина А. В.

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

Статистический анализ персонализированных перформативов в институциональном дискурсе обнаружил проявление понижающих адресата стратегий персонализации только в двух жанрах: в жанре устного выступления и в жанре официального письма.

На жанры институционального дискурса оказывают сильное влияние средства массовой информации, основными принципами которых является привлечение внимания и оказание влияния. Ценностному противопоставляется отрицание ценностного, фактор сомнения.

Так, в открытом письме Президенту Федеральной Республики Нигерия понижающая адресата стратегия персонализации раскрывается на протяжении всего текста, делая акцент на этическую и моральную важность требований. В перформативных актах требования подчеркивается неумение Президента эффективно править страной:

“We condole you & the entire people of Nigeria for the recent loss of lives & property in Kaduna State. We are sending this letter of condolence & concern to you with a heavy heart. Mr. President, Nigeria has seen too much unnecessary bloodshed & need it no more. We don’t understand why you continue to allow such unlawful behavior of this magnitude to continue. [...] You have the capacity of influencing various decisions at all levels. Why are you not using the capacity? Why are you not effectively governing the country? [...] We the people & friends of Nigeria at home & abroad are calling on you to rise up & effectively govern the country. [...] Therefore, we are calling on you to use this opportunity to get into the root cause of this violence...” [eaigb001@msn.com].

В приведенной выдержке письма представлены четыре перформативных акта: два формально (то есть с точки зрения присутствия и значения перформативного глагола) относятся к перформативным актам соболезнования, а два вторых акта также формально можно отнести к перформативным актам призыва.

Однако два первых перформативных акта соболезнования поясняются не совсем обычной и не совсем логичной для данного жанра информацией, содержащейся в последующем повествовании: *“President of Nigeria allows much bloodshed”*. Более того, в тексте присутствует отрицательная оценка высказываемой информации: *“we don’t understand why, need it no more”*. Другими словами, благодаря понижающим адресата персонализаторам, направленным на параметр этического измерения, перформативные акты по своему прагматическому содержанию являются актами обвинения.

Перформативные акты призывов являются эмоциональной реакцией на кровавые события, связанные с проведением конкурса красоты в Нигерии. Поэтому требования очень абстрактны и неконкретны, и, следовательно, манипулятивны. Они пронизаны персонализующими стратегиями понижения адресата, которые образуются из средств, предвещающих перформативные акты требований и построенных по принципу “восхваление vs. понижение”, и из лексико-семантических средств, входящих в состав перформативных актов и отвечающих за перевод их в акты обвинения. Призыв эффективно править страной означает, по сути, что Президент руководит неэффективно. Призыв хотя бы в этот раз разобраться в коренных причинах насилия скрывает под собой утверждение, что Президент или нерешителен, или не видит и не анализирует очевидных фактов.

Признание абсолютной и безграничной власти Президента и последующий вопрос о неиспользовании